

УДК 33:930

DOI [10.17150/1993-3541.2015.25\(5\).794-802](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(5).794-802)

Д. Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

Байкальский государственный университет
экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация

«СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» А. А. КАУФМАНА: КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАК ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА

Аннотация. В статье реконструируется история становления в России количественной экономической истории. Особое место в реконструкции отводится «статистическому эксперименту» А.А. Кауфмана — анализу предпринимавшихся в начале XX в. попыток статистического изучения информации писцовых книг — как направленному на идентификацию подходов участвующих в формировании исследовательской области историков и экономистов. В центре внимания первой из посвященных «эксперименту» статей, опубликованной в журнале «Известия Иркутской государственной экономической академии» в 2014 г., находился начальный его этап, связанный с критикой практики применения историками аппарата математической статистики в процессе осуществления имеющих дело с естественными выборками «частичных» историко-статистических исследований. Данная статья посвящена практикам использования в ходе «эксперимента» выработанных земско-статистической методологией «содержательных» приемов статистического анализа, заронившим сомнения в равноценности статистического инструментария в руках экономистов и историков, заставившим сделать выбор в пользу «истории экономистов» в качестве важного шага на пути дисциплинарной идентификации новой исследовательской области.

Ключевые слова. Дисциплинарная история; земско-статистическая методология; А. А. Кауфман; количественная экономическая история; прикладная экономика; экономическая историография.

Информация о статье. Дата поступления 29 июня 2015 г.; дата принятия к печати 1 сентября 2015 г.; дата онлайн-размещения 30 октября 2015 г.

D. YA. MAIDACHEVSKY

Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation

KAUFMAN'S «STATISTICAL EXPERIMENT»: QUANTITATIVE ECONOMIC HISTORY AS APPLIED ECONOMICS

Abstract. The article reconstructs the history of quantitative economic history formation in Russia. Special attention is given to the reconstruction of the «statistical experiment» by Kaufman, namely to the analysis of the endeavors undertaken at the beginning of the 20th century in order to study the scribe books information from the statistical point of view. Such experiment was aimed at identification of the approaches involved in formation of the research area of historians and economists. The initial phase of the experiment associated with criticized practice of mathematical statistics apparatus application by historians when dealing with natural samples of «partial» historical and statistical research is scrutinized in the article published in 2014 in the journal «Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy». The current article is devoted to the practices of «substantial» methods of statistical analysis usage in the «experiment» devised by statistical methodology typical for local governments performed in Imperial Russia (so called «zemstvo»). Such methods sow doubts on the equivalence of statistical tools in hands of economists, and historians and forced to make a choice in favor of «the history of economists» as an important step in disciplinary identification of a new research field.

Keywords. Disciplinary history; zemstvo statistical methodology; A. Kaufman; quantitative economic history; applied economics; economic historiography.

Article info. Received June 29, 2015; accepted September 1, 2015; available online October 30, 2015.

Основные ожидания А. А. Кауфмана как «организатора» познавательного опыта, названного им «статистическим экспериментом»¹, не столько в деле критики механиче-

ского применения аппарата математической статистики, сколько отработки основных этапов и приемов «содержательного» изучения материалов исторической статистики, были связаны с деятельностью «исторической группы»

¹ Подробнее см.: [15].

D. YA. MAIDACHEVSKY

руководимого им статистического семинария Высших женских (Бестужевских) курсов. И уже первый этап — проектирования и заполнения выборочных карточек и «счетных листков»¹ — дал повод для оперативного вмешательства в его ход и подробного разбора начального этапа работы с источником исторической статистической информации. Сначала в докладе², а затем и в статье «К вопросу о статистическом методе в историко-экономических исследованиях» (1913) прозвучал упрек в адрес историков таковой этап либо опускавших, либо подменявших обсуждением терминологии писцовых книг. И потому, по сути, пренебрегавших основным правилом элементарной статистической методологии — предварительного установления «существа и действительного смысла тех величин и тех их признаков, которые подлежат статистическому учету» [5, с. 89]. Или же относивших его начало в неопределенное будущее, связываемое с завершением терминологических споров по их поводу.

Демонстрировавший своими работами прекрасную в них осведомленность, А. А. Кауфман полагал, однако, что выяснение смысла, скрытого за используемыми писцовыми книгами для обозначения «счетных и мерных единиц» понятиями, дело не только и не столько текстологических разысканий, сколько статистической разработки количественных данных писцового счета. Нуждались же в статистическом осмыслении (и переосмыслении, если принять во внимание уже более чем полувековое археографическое и историческое их изучение) едва ли не все единицы писцовых книг, начиная с базовой — деревни и завершая дворами, «людьми», «коробьями», копнами, «обжами», характеризующими ее население, хозяйство и

обложение. Деревне, с одной стороны, надлежало вернуть вытекающую из характера писцовых записей роль тяглой, податной (а не хозяйственной) единицы, а с другой, наполнить «жизнью», указав на недопустимость полагать ее лишь «счетной фикцией», а не элементом меняющейся социально-экономической реальности. Понятия «людей» и «двора» нуждались, скорее, уже в деконструкции и десхематизации, поскольку за отсутствием прямых свидетельств источника искусственно конструировались историками, надеясь характеристиками, якобы отвечающими его требованиям. Земельная мера — «коробья» и даже практически не вызывающая разногласий единица измерения скошенного сена — копна и те требовали при своем использовании привлечения элементарных экономических познаний для «защиты» от историков, норовивших опираясь на «здравый смысл» вывести, например, среднее число копен на десятину.

В случае «обжи» попытки вскрыть ее суть и установить принципы податного обложения, единицей которого она являлась, предпринимались в направлении манипуляций с данными писцовой статистики (например, обнаружения связи между его тяжестью и величиной крестьянской запашки), в прочих же — исследователь много чаще искал ответ или подсказку в статистике современной. Совпадение показателя среднего числа работников мужского пола, приходящихся на один крестьянский двор, даваемого ею для современных губерний, некогда составлявших Шелонскую пятину, с результатами аналогичных расчетов с использованием весьма неопределенной единицы уже писцового счета — «люди», позволило предположить скрывающееся за равенством цифр тождество содержания. И наоборот, «совершенная несообразность» получаемых историками в результате расчета средних размеров крестьянской запашки данным современной экономической статистики стала основным и решающим аргументом против их слепого следования за текстом писцовых книг, а точнее — прочтения последних, обнаруживающего в прошлом приемы измерения пашни, соответствующие современным системам земледелия.

Впрочем, современность не только в виде отражающих ее статистических цифр — экономической статистики или результатов современных же экономико-географических, естественноисторических или картографиче-

¹ Этап сводки статистической информации, или превращения «индивидуальных записей» писцовых книг в «статистические цифры», интересен еще и в том отношении, что в силу выполнения массы механических или полумеханических операций требует коллективных усилий. Разделение труда между «архитектором», вырабатывающим «стройную и целесообразную» схему таблицы, «соответствующую, с одной стороны, характеру данного материала, с другой, существу имеющихся в виду познавательных задач», а также руководящим разработкой первичного материала «подручным десятником» и «каменщиками», практиковавшееся земскими статистиками, было впервые, по всей видимости, использовано в ходе реализации научного историко-экономического проекта [9, с. 444].

² Носивший название «Писцовые книги Шелонской пятины 1498 г. в статистической обработке» доклад был сделан 27 февраля 1913 г. на заседании секции русской истории Исторического общества при Санкт-Петербургском университете.

ECONOMIC THEORY

ских работ — настойчиво вторгалась в исследование с первых его шагов. Будучи направлены на разработку исторических материалов, статистические приемы стояли на службе связанной с настоящим (современностью) экономической науки — экономики земледелия. Именно она формулировала исследовательские вопросы, связанные с характеристикой хозяйства этим материалом задаваемого района. А. А. Кауфман даже вынужден был поначалу противопоставлять построенную им самим «основную таблицу» значительно расширенной версии участниц «исторической группы» семинария, уступая двигавшему теми «специальному историческому интересу» [3, с. 405–406], заставлявшему ради полноты описания прошлого расширять вопросник, не сообразуясь с объяснительными возможностями экономической науки.

Ученый не замедлил предложить читателю объяснение причин, подвигнувших его на эту «уступку». Тем более актуальное, что, взяв на себя подведение «статистических итогов», или аналитическую часть работы (в силу обнаружившегося у учениц недостатка «умения читать цифры и уловлять кроющиеся в них закономерности»), он оставил многие появившиеся в таблице частности (статистические признаки) без внимания. Объяснение искалось и обнаруживалось им в плоскости недостаточной теоретико-методологической и практической статистической подготовки историков: «когда начиналась наша общая работа, я поражаюсь тому, как много мои исторически-подготовленные сотрудницы подмечали в материале такого, что для меня, статистика, а не историка, проходило совершенно незамеченным. Но скоро я убедился в том, что это достоинство переходило у них в недостаток: в неумение отвлекаться от третьестепенных мелочей и становиться на обязательную для статистика обобщающую точку зрения массового наблюдения» [3, с. 422].

В несколько ином направлении заставляют искать это объяснение исследовательские практики и, в частности, использованные А. А. Кауфманом приемы содержательного статистического анализа данных писцовых книг. Если оставить за скобками во многом «техническую» и идущую параллельно стадии работ «исторической группы» по вычислению «статистических коэффициентов», то начало аналитической части исследования было положено этапом группировки статистического материала и построения таблиц. Относимый современной статистикой к

преданализу (представлению данных) он полагался некогда элементом «базиса» — табличного способа анализа, задающего статистическую (количественно в числовой форме) картину реальности (в том числе и прошлой) и позволяющего исследователю установить связи, существующие между ее элементами и признаками. Этапа, выполняющего важную функцию приведения — посредством «целесообразной (табличной) формы» его организации — ранее мобилизованного материала статистики писцовых книг в соответствии с содержанием изучаемого явления и задачами его изучения, и в таком качестве востребующего не столько технические статистические навыки, сколько определяющие выбор группировочного («факториального» в его терминологии) признака экономические познания исследователя.

Уже простая перечневая таблица позволяла не просто осуществлять сопоставления, устанавливая факты постоянства или изменчивости той или иной переменной, но путем сравнения ставших результатом ее построения вариационных рядов показателей, дающих характеристику уже упоминавшимся населению, хозяйству и обложению деревень Шелонской пятины (метод параллельных рядов), открывала возможности для установления статистических закономерностей. Так, «параллелизм между размерами запашек и долею заселенной земли, разобранною владельцами разных категорий, является, — заключал исследователь, — показателем того, что те же благоприятствующие развитию земледелия условия являлись фактором, способствующим развитию поместного землевладения» [3, с. 408–409].

Стремление обнаружить подобный «параллелизм» (или «антагонизм») между величиной селений и их обеспеченностью пашней и покосами заставил прибегнуть уже к методу «вторичной количественной группировки» (построению интервального ряда), что сопровождалось переходом на новый, более высокий уровень анализа — создание групповой, или комбинационной таблицы. Именно с «комбинационной разработкой» статистического материала как одновременно с более сложным, но и тонким приемом выявления статистических закономерностей связывал исследователь будущий и, по всей видимости, предполагавшийся завершающим, этап реализации «статистического эксперимента» по обработке писцовых записей. В рамках небезуспешно разрабатывавшейся земской статистикой

D. YA. MAIDACHEVSKY

«теории» табличной обработки статистического материала, комбинационная таблица, на взгляд А. А. Кауфмана, выступала инструментом своеобразного «изолирующего» факторного анализа. Лишенный возможности вести исследование «при прочих равных условиях», статистик обретал в ней прием «анализа рядов, изображающих какой-либо один признак, в зависимости от факторов, могущих влиять на величину отдельных членов ряда» [3, с. 420]. Критически, при этом, А. А. Кауфман отнесся к предпринятым попыткам использовать для выбора признаков комбинационной группировки коэффициент корреляции. Даже малые значения последнего — не повод, полагал он, отказываться от «поисков более сложных и тонких, а потому труднее уловимых связей», используя для этого еще более тонкие аналитические приемы в виде сложных комбинационных группировок, способных «выявить влияние данного признака, изолировать его от других, с ним перекрещивающихся и в значительной мере его парализующих» [8, с. 86]

Впрочем, «статистическому эксперименту», а вместе с ним и исследовательской области количественной экономической истории в целом, не довелось полноценно вступить в этот завершающий этап своего развития и, если судить по опубликованным результатам [16], основные его достижения связаны были все же с «простейшими» приемами статистического анализа. Из них сам А. А. Кауфман выделял — пытаюсь осмыслить накопившийся опыт применения статистического метода к разработке исторических источников — выяснение «чисто-статистическим» путем вопроса о системах земледелия (системах полеводства), распространенных на пространстве Новгородской области на рубеже XV–XVI вв. Вопроса, решение которого уже на стадии заполнения выборочных карточек участниками «исторической группы» рассматривалось с точки зрения получения одной из ключевых характеристик хозяйства района и искалось путем извлечения из писцовых книг сведений о натуральных хлебооброках.

Встать на этот путь побудили результаты изучения систем земледелия, полученные ученым двадцатью годами ранее в ходе исследования хозяйственного быта государственных крестьян западносибирских губерний. Проследить на пространстве последних эволюцию систем полеводства и «открыть» прежде неизвестный тип «залежно-парового хозяй-

ства»¹ позволили цифры, отражающие соотношение не столько площадей посева, пара и залежи, сколько различных злаковых культур в севообороте. Вот и данные писцовых книг о натуральных крестьянских оброках («положенном в оброк» количестве ржи, овса, пшеницы и ячменя) стали источником информации о соотношении занятых соответствующими культурами площадей (высеваемого их количества), характеризующего, в свою очередь, структуру севооборота и соответствующую «систему земледелия». Что позволило «...с достаточной определенностью установить несколько типов земледельческой культуры... Это, именно, чистое трехполье, с одной стороны, чисто-переложное хозяйство, по всей вероятности в залежной форме, с другой, — а посередине между ними смешанное хозяйство, где трехполье так или иначе сочетается с залежными севооборотами» [3, с. 410].

Указанием теперь уже на два обязанных «анализу статистических цифр» и отстоящих друг от друга на 20 лет «открытия» А. А. Кауфман завершал скромный по размеру, но не по придаваемому ему значению, раздел «Что дает статистический метод?» своего учебного руководства 1916 г. издания. Раздел, интересный прежде всего настойчивостью, с которой автор убеждал читателя в том, что исключительно «сами цифры», а не «какие бы то ни было априорные предположения» или «указания литературы», позволили совершить их, навели «на такие зависимости и такие объяснения, каких мы вовсе не ожидали и не предвидели» [9, с. 198]. Той самой настойчивостью, с которой упрекал авторов новых попыток статистической разработки материалов писцовых книг, не стремившихся «в самих цифрах найти объяснение тем фактам, которые находят себе выражение в этих цифрах» [7, с. 417], или собственных «семинаристок» за «неумение читать цифры и улавливать кроющиеся в них закономерности». Настойчивостью, которой, призывая историков не жалеть труда на освоение статистического метода, со всей очевидностью демонстрировал зависимость от собственных педагогических схем. В силу чего с немалым опозданием осознал, что, крайне односторонне рассматривая предпринятые в области количественной экономической истории исследовательские проекты, не только игнорирует программы систематизации знания, но ограничивает этап его производства методической и

¹ Подробнее см.: [6].

ECONOMIC THEORY

методологической составляющими¹ и обделяет вниманием проблемную. Между тем, именно программы проблематизации знания, ставящие задачи исследования и формулирующие его вопросы, и определяют во многом специфику той или иной исследовательской области, задают дисциплинарную ее принадлежность.

Полагая возможным и даже желательным превращение историков в «производителей», статистическим методом его добывающего, знания, А. А. Кауфман сконцентрировался на задаче преодоления только одной, связываемой им с недостаточной статистической их подготовкой в высшей школе, на пути этом стоящей преграды, прежде чем ход «статистического эксперимента» обнаружил узость такого «чисто-статистического» видения проблемы. Желание видеть историков еще и «потребителями» (в качестве каковых выступают преимущественно представители отраслей социального знания), использующими результаты статистического анализа «наряду и в комбинации со всеми иными, ...доступными, источниками и приемами научного исследования» [3, с. 421] для нужд исторических объяснений, заставило не только настаивать на необходимости, но и предпринять шаги в направлении уже экономической их подготовки.

Для исследователя, долгое время предостерегавшего историков от неосмотрительного вторжения в «епархию» представителей социального знания, на которых одних возложена

задача объяснения статистическим путем установленных «правильностей и причиннозависимостей»², стала очевидной нехватка у них специальных познаний, в случае хозяйственной истории — экономических, для сознательного и целенаправленного использования «содержательных» приемов статистического анализа. Для того чтобы исследователи могли оперировать аналитическим инструментарием, а не превращаться в его «заложников», не двигаться вслед за ним — как это чаще всего бывает при использовании приемов математической статистики, они нуждаются в знании измеряемого с его помощью содержания элементов объективной социально-экономической реальности. Завершит эволюцию представлений А. А. Кауфмана в этом вопросе требование не просто «реального и конкретного», но даже «местного» понимания историками явлений хозяйственной жизни [2, с. 184] как неперемennого условия осмысленного использования ими статистического метода.

Цель вооружить экономическими знаниями участников своего статистического семинария — включая, и не в последнюю очередь, членов «исторической группы» — преследовали разработка, чтение и последующее издание (с посвящением «Моему семинарию»)³ курса А. А. Кауфмана «Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства». Во введении автор четко и недвусмысленно сформулировал его основную идею: «органически слить характеристику статистико-технического аппарата с рассмотрением вопросов крестьянского хозяйства по существу». Имея в виду, в первую очередь, дать будущим исследователям знание о тех явлениях в крестьянском хозяйстве, которые им предсто-

¹ Подобная односторонность, думается, присуща отечественной историографии исторической науки, «тщетно» пытающейся найти ответ на вопрос о причинах, по которым отечественная социально-экономическая история долгое время «не осознавалась как часть количественной истории» и в качестве таковой не могла «самоорганизоваться» как составная часть мировой, но уже экономической истории [12, с. 20; 11]. «Тщетно», поскольку ответ этот содержится уже в самой постановке вопроса, свидетельствующей о приверженности автора презентистскому подходу в историографии. Впрочем, один из путей движения в прошлое в поисках истоков отечественной клиометрии (или отечественной школы количественной истории) привел к историку, стоявшему у начал и историографии экономической истории — В. К. Яцунскому [10]. Историографический факт этот интересен, на наш взгляд, тем, что более полувека назад ученый попытался объяснить, почему отечественные (советские) историки земледелия не смогли прочитать в таком массовом историческом источнике как писцовые книги то, что увидел в них (буржуазный) статистик А. А. Кауфман — трехполье в конце XV в. в Новгородской земле. И связывал он это, вопреки ожиданиям, отнюдь не с «техническими», статистическими приемами анализа, стоящими на вооружении последнего [17, с. 244], а с его подходом к писцовым книгам как специалиста в экономике земледелия, прекрасно владевшего своим предметом (Архив РАН. Ф. 1639 (В. К. Яцунский). Оп. 1. Д. 127. Л. 42).

² Для наглядности и убедительности А. А. Кауфман приводил в пример себя, решающегося давать объяснение полученным статистическим результатам изучения земельных и хозяйственных отношений «не потому, что я статистик, а потому, что считаю себя осведомленным в соответственных специальных отраслях общественных наук. В том же качестве я выступаю, когда позволяю себе подыскивать объяснения для некоторых закономерностей и причиннозависимостей, установленных путем статистической обработки писцовых книг» (курсив А. А. Кауфмана. — Д. М.) [3, с. 420].

³ «По обстоятельствам военного времени», как уведомляет читателя во введении автор, подготовленный и сданный в печать в конце лета 1915 г. курс увидел свет лишь три года спустя, когда прекратили свое существование и Высшие женские курсы, и, соответственно, статистический семинарий (и нам ничего не известно о возобновлении его работы в созданном после революции на основе курсов 3-м Петроградском университете). Не трудно предположить, что по той же причине прервалось, после публикации датированного тем же годом первого выпуска, издание результатов статистической разработки писцовых книг.

D. YA. MAIDACHEVSKY

яло статистически наблюдать и анализировать («в которых им нужно было уметь разобраться»), и лишь во вторую — продемонстрировать «что и как дает статистика» [1, с. V] для этого.

Подчеркнем не только акцент, сделанный ученым на «вопросах» экономики земледелия, которые «изучаются статистическим путем, или понимание которых необходимо для статистической работы в данной области» [Там же, с. XXII]. Куда важнее указать на отчетливое осознание им того, что «вопросы» эти служат аналитической структурой, или теоретическим каркасом анализа имеющихся в распоряжении исследователя эмпирических (исторических, статистических) материалов. И потому должны быть сгруппированы в достаточно широкие, «по объектам», разделы (население, землевладение, землепользование, сельскохозяйственный инвентарь, земледелие, наемный труд, промыслы и результаты хозяйственной деятельности), а главное — не направлять, «не толкать читателя в каком-либо определенном направлении» [Там же, с. XII–XIII], обеспечивая беспристрастность суждений и выводов будущих исследований.

Окончательно точки над «i» в вопросе о соотношении «экономического» и «статистического» компонентов в подготовке историков, готовящих себя к занятиям, прежде всего, хозяйственной историей, исследователь расставил незадолго до своей безвременной кончины. «Историко-статистический цикл» в высшей школе в качестве базового должен, на его взгляд, включать краткий курс теории и методов статистики, «обнимающий лишь самые начала теории и посвященный, главным образом, вопросам табличной обработки статистических данных, производным величинам и элементарным приемам численной обработки статистических рядов, — все это в органической связи с логическими методами статистического умозаключения» [4, с. 58–59]. Дополнением к нему могут стать факультативное обучение технике статистических вычислений, «элементарнейшим» приемам математической статистики, а также несколько предваряющих практические занятия лекций, вводящих в приложение статистических приемов к историческому материалу.

При этом неотъемлемой и «совершенно необходимой» частью цикла надлежало стать курсу «прикладной экономики», в зависимости от научных интересов историка посвящаемого экономике земледелия (крестьянского хозяйства), экономике промышленности и торговли или экономике труда («рабочему вопросу»). «[Л]ишь при достаточном знакомстве с экономическим

существом тех явлений экономической истории, к изучению которых учащиеся будут применять статистические методы, их историческая и статистическая работа приобретет, в самом деле, жизненный характер» [4, с. 59], — полагал ученый, ставивший не только интерпретацию полученных результатов, но и сами приемы и направления мобилизации и разработки данных исторической статистики в прямую зависимость от достижений соответствующих отраслей прикладного экономического знания.

Однако именно на этой стадии в рассуждения А. А. Кауфмана закрадывается сомнение в равноценности статистического «орудия» в руках экономистов и даже овладевших основами прикладных экономических знаний историков, казалось бы, одинаково прилагающих его к историческому материалу. Иначе говоря, — в соответствии аналитизма численных методов целям и задачам «истории историков», потому и довольствующейся «статистическим констатированием фактов», или иллюстративным использованием цифр источника, что направлена на «изображение прошлого», но не на обнаружение — как «история экономистов» — тенденций, установление связей, механизмов или выявление сущности. Он не без самоиронии называет «крайне ограниченной» с точки зрения исторической науки компетентность вторгшегося на ее предметное поле и реализующего подобные целевые установки экономиста. Ведь все на что тот способен, если не считать «мелочей» вроде «выявления причин», «выяснения принципов» или «определения характера», так это предложить объяснительную гипотезу, связанную с раскрытием сущности изучаемого явления. Или шире — «отвергнуть одни, ранее существовавшие гипотезы, придать конкретную форму другим, навести на некоторые такие новые построения, к которым трудно было бы прийти иным, кроме статистического, путем». Результат более чем сомнительной ценности в глазах историков, рассчитывавших получить ответ на конкретные вопросы типа «что такое была обжа, и как происходило обезное обложение» [3, с. 421] в Новгородской области на рубеже XV и XVI вв.

История, вопросы которой определяются современными экономическими знаниями и представлениями, по определению является более «скромной» в своих устремлениях и притязаниях, нежели история «настоящая». Историей, в полном соответствии с особенностями используемых ею массовых источников более «ограниченной», более «абстрактной» и менее

ECONOMIC THEORY

привязанной к определенному месту и времени, или историческому контексту, который «настоящими» историками реконструируется, как правило, благодаря привлечению совершенно иных по характеру свидетельств прошлого. «История экономистов» («экономическая история» в нашей терминологии [14]), куда больше заинтересована выяснением отношений между переменными, нежели достоверности показаний источника, объективности отражения цифрой исчезнувшей действительности, поскольку статистические данные рассматриваются в качестве инструмента научных наблюдений, аналитически сфокусированном не на особенностях, а на общих свойствах индивидуальных случаев.

Результаты «статистического эксперимента», на продолжение которого исследователь, думается, все еще надеялся, включая в его орбиту новых участников и исследовательские проекты ими предпринятые, поставили А. А. Кауфмана перед выбором между «историей историков» («историей экономики») и «историей экономистов», а по существу, перед дисциплинарным выбором. Движением к одному из полюсов этой дихотомии стала статья «К вопросу о приемах историко-экономического изучения писцовых книг» [2] — последняя из работ, посвященных им количественной экономической истории.

Уже своим названием статья указала на ту подчиненную, инструментальную — всего лишь одного из орудий научного познания — роль, которую играет статистический метод в деле изучения писцовых книг, уступая ведущую — экономическому анализу, задающему направление и приемы статистической разработки их материалов, а также определяющему возможности научной утилизации полученных результатов. Автор намеренно (и впервые с начала работы с писцовыми книгами) в начальных ее строках напомнил читателю о своем «соприкосновении» — подчеркивая в качестве экономиста, но не историка — с областью экономической истории, о своих исследованиях общины в процессе ее зарождения и роста, или «живой» ее истории¹.

¹ Подробнее см.: [13].

Вновь, как и в случае последней, обратился к характеристике привлекаемых количественной экономической историей источников и не с точки зрения их достоверности, а устанавливаемых ими пределов исторического познания. С помощью же выведенной формулы «живой истории» — «только знание живой жизни может обеспечить правильное понимание того, что дают мертвые, без этого, документы» [2, с. 185] — установил как связь между областями количественной и «живой» экономической истории, так и границу, обе области отделяющую от прибегающей к использованию статистики «настоящей» истории.

Памятуя о своих разработках проблем «живой» истории, а также имея в виду характер источников, привлекаемых для целей познания количественной историей, А. А. Кауфман определил экономическую историю как историю «совершающихся в данном обществе массовых процессов» [2, с. 151], подразумевая, что она имеет дело не только с совокупностями и сводными показателями их характеризующими, но и с обыденным и повседневным — не-событийным, остающимся за пределами документальных источников. Тем самым, возводя, по сути, дисциплинарную границу между «историей историков»/историей экономики и «историей экономистов»/экономической историей как прикладной экономикой. Субдисциплиной, решающей задачи идентификации регулярностей, выявления действующих сил или тенденций, в том числе и с использованием статистического инструментария, и формулирующей «экономические» вопросы, руководствуясь «реальным и конкретным» представлением о «существовании тех областей хозяйственной жизни, которые... намеревается изучать в прошлом... в их современном виде» [2, с. 185]. Именно связь с современной экономической, а не исторической наукой определяет отличительные черты (количественной) экономической истории, ее интеллектуальные возможности, а также требования к характеру академической подготовки исследователей, стоящих перед необходимостью приобретения соответствующих знаний и навыков их использования.

Список использованной литературы

1. Кауфман А. А. Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства / А. А. Кауфман. — М. : Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. — XXIII + 333 с.
2. Кауфман А. А. К вопросу о приемах историко-экономического изучения писцовых книг / А. А. Кауфман // Русский исторический журнал. — 1917. — Кн. 3–4. — С. 146–185.
3. Кауфман А. А. К вопросу о статистическом методе в историко-экономических исследованиях // Сборник статей. Община. Переселение. Статистика / А. А. Кауфман. — М. : Изд-е Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. — С. 401–423.
4. Кауфман А. А. О высшей статистической школе / А. А. Кауфман // Вестник статистики. — 1919. — № 1. — С. 48–77.

D. YA. MAIDACHEVSKY

5. Кауфман А. А. Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана: «Статистика в русской истории. Опыт статистической обработки писцовых Новгородских оброчных книг ок. 1498 года» (рукопись) / А. А. Кауфман // Отчет о пятьдесят третьем присуждении наград графа Уварова. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1912. — Т. 11, № 5. — С. 55–177.
6. Кауфман А. А. Очерк способов полеводства в Ишимском округе Тобольской губернии / А. А. Кауфман // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1889. — № 10. — С. 87–104.
7. Кауфман А. А. [Рецензия] / А. А. Кауфман // Голос минувшего. — 1916. — № 5-6. — С. 415–418. — Рец. на кн. : Экономический кризис в Новгородской области XVI века (По писцовым книгам) / Н. Ф. Яницкий. — Киев : Тип. ун-та св. Владимира, 1915. — VIII + 235 с.
8. Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология: 1806–1917. Историко-критический очерк / А. А. Кауфман. — М. : Центр. стат. упр., 1922. — 218 с.
9. Кауфман А. А. Теория и методы статистики: руководство для учащихся и для лиц, посвящающих себя статистическому труду / А. А. Кауфман. — 3-е изд. — М. : Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1916. — 601 с.
10. Круглова Т. А. В. К. Яцунский и И. Д. Ковальченко: истоки научного сотрудничества / Т. А. Круглова // Проблемы методологии и источниковедения : материалы III научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко / отв. ред. С. П. Карпов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. — С. 154–175.
11. Ломова С. А. Сорок лет американской клиометрики (заметки по истории научного направления) / С. А. Ломова // Компьютер и экономическая история : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. И. Бородин, В. Н. Владимиров. — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. — С. 104–137.
12. Ломова С. А. Экономическая история и клиометрика: самоидентификация направлений в России и за рубежом / С. А. Ломова // Новая и новейшая история. — 1997. — № 5. — С. 3–20.
13. Майдачевский Д. Я. «Живая» и «настоящая» история А. А. Кауфмана / Д. Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. — 2012. — Т. 13, № 2–3. — С. 103–120.
14. Майдачевский Д. Я. Начало экономической истории в свете историко-научного подхода в историографии экономической науки / Д. Я. Майдачевский // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2012. — № 2 (40). — С. 123–128.
15. Майдачевский Д. Я. «Статистический эксперимент» А. А. Кауфмана: рождение исследовательской области количественной экономической истории в России / Д. Я. Майдачевский // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 5 (97). — С. 5–12.
16. Новгородские писцовые книги в статистической обработке. 1 : Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498–1501 гг.: Табличный материал с предисл. и «Статистическими итогами» проф. А.А. Кауфмана / стат. семинарий Петрогр. высш. жен. курсов. — Пг. : Тип. «Экономия», 1915. — 129 с.
17. Яцунский В. К. Очередные вопросы истории земледелия в СССР / В. К. Яцунский // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. — 1952. — Т. 9, № 3. — С. 239–250.

References

1. Kaufman A. A. *Voprosy ekonomiki i statistiki krest' yanskogo khozyaistva* [Issues of economics and statistics of peasant farming]. Moscow, G. A. Leman i S. I. Sakharov Publ., 1918. XXIII, 333 p.
2. Kaufman A. A. To the question of scribal books historical and economic study methods. *Russkii istoricheskii zhurnal = The Russian Historical Journal*, 1917, book 3-4, pp. 146–185. (In Russian).
3. Kaufman A. A. To the issue of the statistical method in the historical and economic studies. In Kaufman A. A. *Sbornik statei. Obshchina. Pereselenie. Statistika* [The collection of articles. Community. Relocation. Statistics]. Moscow, G. A. Leman i B. D. Pletnev Publ., 1915, pp. 401–423. (In Russian).
4. Kaufman A. A. On the high statistical school. *Vestnik statistiki = The Statistical Bulletin*, 1919, no. 1, pp. 48–77. (In Russian).
5. Kaufman A. A. A review on Nordman's essay «Statistics in the Russian history. The experience of statistical processing of the Novgorod quitrent books written by the scribes in approx. 1498» (a manuscript). *Otchet o pyatdesyat tret'em prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova* [A report on 53d winning of the Count Uvarov's awards]. Saint Petersburg, Typography of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1912, vol. 11, no. 5, pp. 55–177. (In Russian).
6. Kaufman A. A. The outline on the methods of field crops in the Ishim district of the province of Tobolsk. *Sel'skoe khozyaistvo i lesovodstvo = Agriculture and forestry*, 1889, no. 10, pp. 87–104. (In Russian).
7. Kaufman A. A. The Review. *Golos minuvshego = The Voice of the Past*, 1916, no. 5-6, pp. 415–418. (In Russian).
8. Kaufman A. A. *Statisticheskaya nauka v Rossii: Teoriya i metodologiya. 1806–1917* [Statistical science in Russia. Theory and Methodology. 1806-1917. A historical and critical essay]. Moscow, Central Statistical Office Publ., 1922. 218 p.
9. Kaufman A. A. *Teoriya i metody statistiki: rukovodstvo dlya uchashchikhsya i dlya lits, posvyashhayushhikh sebya statisticheskomu trudu* [Theory and methods of statistics: a guide for students and people dedicated to statistical work]. 3rd ed. Moscow, G. A. Leman i S. I. Sakharov Publ., 1916. 601 p.
10. Kruglova T. A. Yatsunsky V. K. and Kovalichenko I. D.: the origins of scientific cooperation. In Karpov S. P. (ed.). *Problemy metodologii i istochnikovedeniya : materialy III nauchnykh chtenii pamyati akademika I. D. Koval'chenko* [Problems of methodology and source studies: materials of the 3d scientific readings in memory of academician Kovalichenko]. Lomonosov Moscow State University Publ., 2006, pp. 154–175. (In Russian).
11. Lomova S. A. Forty years of American cliometrics (notes on the history of this area). In L. I. Borodkin, V. N. Vladimirov (eds). *Komp'yuter i ekonomicheskaya istoriya* [The computer and economic history]. Barnaul, Altai State University Publ., 1997, pp. 104–137. (In Russian).

ECONOMIC THEORY

12. Lomova S. A. Economic history and cliometrics: destinations identification in Russia and abroad. *Novaya i noveishaya istoriya = The Modern and Current History.*, 1997, no. 5, pp. 3–20. (In Russian).

13. Maidachevskii D. Ya. Living and Real History by Kaufman A. A. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2012, vol. 13, no. 2-3, pp. 103–120. (In Russian).

14. Maidachevskii D. Ya. The economic history inception in the light of historical and scientific approach to the historiography of economics. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of Ural State University of Economics*, 2012, no. 2 (40), pp. 123–128. (In Russian).

15. Maidachevskii D. Ya. Kaufman's "statistical experiment": the birth of the research area of quantitative economic history in Russia. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2014, no. 5 (97), pp. 5–12. (In Russian).

16. Kaufman A. A. (ed.). *Novgorodskie pistsovye knigi v statisticheskoi obrabotke. 1. Pogosty i derevni Shelonskoi pyatiny po pis'mu 1498–1501 gg.* [Novgorod scribe books in statistical processing. 1. Churchyards and villages of Shelonsky pyatina according to the letter dated 1498–1501]. Petrograd, Ekonomiya Publ., 1915. 129 p.

17. Yatsunskii V. K. The issues on the history of agriculture in the USSR. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii = Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. History and Philosophy Series*, 1952, vol. 9, no. 3, pp. 239–250. (In Russian).

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — PhD in Economics, Associate Professor, Department of History, Economic and Political Studies, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: maid1960@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Майдачевский Д. Я. «Статистический эксперимент» А. А. Кауфмана: количественная экономическая история как прикладная экономика / Д. Я. Майдачевский // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 25, № 5. — С. 794–802. — DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).794-802.

Reference to article

Maidachevsky D. Ya. Kaufman's «statistical experiment»: quantitative economic history as applied economics. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2015, vol. 25, no. 5, pp. 794–802. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).794-802. (In Russian).